

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КОТ МАГ
ТЬМЫ

Сергей Патрушев

Кот маг тьмы

«Автор»

2026

Патрушев С.

Кот маг тьмы / С. Патрушев — «Автор», 2026

Ироничное тёмное фэнтези о чёрном коте Маркизе, который погибает под колёсами телеги и попадает в Серую Пустошь. Из-за бюрократической ошибки Небесной канцелярии его новый цикл жизней достался избалованному коту Марселю, а самому Маркизу предлагают вакансию тёмного фамильяра с испытательным сроком. Его подопечный - Теодор, юный некромант-недоучка, который боится мышей, спотыкается о собственную мантию, придерживается веганства и случайно вызвал Князя Теней. Теперь у парня семь лет, чтобы стать великим тёмным магом, иначе демон заберёт его душу. А сила самого Маркиза зависит от чужого страха, но его хозяина даже мыши не боятся. Коту предстоит обучить неуклюжего подопечного тёмному величию, одолеть Крысиного Короля, сразиться с Личем и раскрыть заговор в Светлом Ордене. Но главное испытание - победить собственные инстинкты, когда филактерией древнего мага оказывается золотая рыбка. История о дружбе, выборе, что настоящая тьма не во мраке, а в том, что мы делаем, когда никто не видит.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девятая жизнь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Кот маг тьмы

Глава 1. Девятая жизнь

Быть чёрным котом в городе, где каждый второй уверен, что ты приносишь несчастье, — занятие неблагодарное. Маркиз понял это давно, ещё в первой своей жизни, когда швырнутый вдогонку сапог оставил ему на память характерный шрам над левым глазом. Шрам этот, тонкий белый штрих на фоне угольно-чёрной шерсти, стал его визитной карточкой — первой приметой, по которой его узнавали окрестные собаки, крысы и сердобольные торговки рыбой. С тех пор минуло много зим и много шрамов, а люди не изменились. Они всё так же плевались через левое плечо, завидев его на своём пути, и хватались за амулеты. Маркиз относился к этому философски: люди вообще странные существа, вечно суетятся, шумят и пахнут страхом. С них взятки гладки. Коты не тратят время на суеверия — коты просто живут. Или жили, в его случае.

Та жизнь, девятая по счёту, началась солнечным весенним утром, когда он обнаружил себя крошечным котёнком в коробке у рыбного рынка. С тех пор минуло почти шесть лет — возраст почтенный для уличного зверя, научившегося выживать среди мостовых и подворотен. Шесть лет — это сто сорок кошачьих зим, сто сорок циклов голода и сытости, драк и передышек, зимних ночёвок в подвалах и летней дрёмы на нагретых солнцем крышах. Маркиз знал город как свои усы — а усы у него были роскошные, длинные, белые на фоне чёрной морды, словно два серебряных пера, трепещущие при малейшем движении воздуха. Он знал, в каком переулке булочник выставляет на заднее крыльцо вчерашние пирожки — тёплые ещё, с начинкой из ливера, мягкие и податливые под когтями. Знал, у какой лавки мясника можно стащить обрезки, пока толстяк-хозяин чешет спину о дверной косяк, издавая блаженное похрюкивание. Знал крысиные тропы, проложенные в толще стен старых домов, знал собачьи территории, помеченные едким запахом мочи и злобы, знал человеческие привычки — бессмысленные, трогательные, порой опасные. Знал даже, как пахнут деньги — специфический запах металла и сотен немытых рук, — хотя никогда не понимал, зачем людям эти блестящие кругляши. С ними не поиграть как следует, не съесть, не спрятать про запас. Бесполезная вещь, а трясутся над ней, будто над миской сметаны. Маркиз не раз наблюдал, как взрослые мужчины готовы были перегрызть друг другу глотки из-за горсти медяков, и каждый раз это зрелище вызывало у него чувство, близкое к презрению пополам с недоумением. За еду — понятно. За территорию — справедливо. За тёплое место у печи — святое. Но за кружочки металла?

Тот роковой день ничем не отличался от прочих. Солнце поднялось над черепичными крышами, высушило ночную росу на булыжниках, разогнало туман над рекой. Город просыпался постепенно: сначала загрохотали ставни лавок, потом заскрипели телеги молочников, потом потянуло дымом из пекарских труб, а следом и первые крики разносчиков прорезали утреннюю тишину. Маркиз провёл ранние часы, лениво развалившись на тёплых досках пристани, и наблюдал, как чайки с криками делят рыбы потроха, выброшенные рыбаками после ночного улова. Чайки — существа шумные, наглые и на редкость бестолковые. Они орали так, будто каждая из них была по меньшей мере орлом, но стоило Маркизу лениво шевельнуть хвостом, как вся стая шарahalась в стороны, теряя перья. Он не охотился на чаек — слишком

много шума, слишком мало мяса, — но иногда пугал их просто ради забавы, чтобы не забывали, кто здесь настоящий хозяин причала.

Потом он перекусил всё теми же потрохами, утащив приличный кусок прямо из-под клюва зазевавшейся птицы. Птица возмущённо заверещала, захлопала крыльями, но Маркиз уже удалился с добычей в зубах, не оборачиваясь. Таков закон пристани: кто схватил, тот и съел. День обещал быть спокойным и сытым. Планов на него Маркиз не строил — он вообще не строил планов дальше ближайшего обеда, полагая это ещё одной бессмысленной человеческой привычкой. Люди вечно планируют то, что никогда не случится, и тревожатся о том, что ещё не произошло. Коты мудрее: они имеют дело с настоящим моментом. Есть еда — ешь. Есть опасность — беги или дерись. Есть солнце — спи на солнце. Всё остальное — суета.

Ближе к полудню он направился в Верхний город, где жили люди побогаче. Там иногда перепадали лакомые кусочки с кухонь — повара в богатых домах были небрежны и щедры, выбрасывая объедки, которых хватило бы на прокорм целой кошачьей колонии, — а в тенистых садах можно было всласть подремать на мягкой траве, не опасаясь, что тебя пнёт сапогом стражник или облает бродячий пёс. Путь лежал через Рыночную площадь — сердце города, вечно бурлящее, крикливое и многолюдное. Маркиз не любил это место всей душой, но миновать его было нельзя, не делая огромного крюка через Кожевенный квартал, где воняло так, что даже крысы обходили его стороной. А у Маркиза было чувствительное обоняние — за шесть жизней он так и не привык к запаху дубильных чанов и гниющей плоти. Лучше уж потерпеть толкотню рынка, чем пробираться через эту клоаку.

Он ловко скользил между ног прохожих, прижимая уши и уворачиваясь от корзин, подолов и тяжёлых башмаков. Тело его, худощавое, но жилистое, двигалось с отточенной грацией хищника, привыкшего к тесноте и опасности. Каждое движение было выверенным — Маркиз не бежал, а тёк, словно тёмная вода, находя путь в самых узких промежутках. Пахло пряностями, потом, сеном и жареным мясом. Торговцы надрывали глотки, расхваливая товар. Нищие тянули грязные ладони. Где-то брэнчала лютня бродячего менестреля, который фальшивил так отчаянно, что даже у Маркиза начинало сводить челюсти. Обычная рыночная какофония, привычная, как стук собственного сердца. Иногда ему казалось, что эта площадь существовала всегда и будет существовать вечно, перемалывая поколения людей в труху, а сама оставаясь неизменной. Он видел здесь одни и те же лица десятилетиями — может, это были потомки прежних торговцев, но для кота все люди немного на одно лицо. Различить их можно только по запаху, по голосу, по походке.

Старуху с тележкой он заметил слишком поздно.

Она появилась из-за угла внезапно, толкая перед собой скрипучую деревянную повозку, доверху набитую пучками сушёных трав. От неё разило полыньёю, шалфеем и чем-то приторно-сладким, от чего у Маркиза тут же засвербило в носу. Он уже встречал эту старуху раньше — местная травница, не то знахарка, не то ведьма, промышлявшая продажей приворотных зелий и средств от бородавок. Местные жители её уважали и побаивались. Коты — не уважали и не боялись, просто обходили стороной, потому что от неё всегда пахло так, будто она выкупалась в настойке из ста разных растений, каждое из которых боролось за первенство в этой ольфакторной какофонии.

Маркиз чихнул, на мгновение потерял бдительность — и этого мгновения хватило. Тяжёлое колесо с железным ободом наехало на хвост. Сначала он почувствовал давление — тупое,

неумолимое, как надвигающаяся гроза. А потом пришла боль. Она была чудовищной, мгновенной и всепоглощающей, она хлынула по нервам, как кипяток, заливая сознание белым огнём. Маркиз взвыл — отчаянно, дико, по-звериному, — рванулся, пытаясь выдернуть хвост из-под колеса, но поздно. Телега дёрнулась, старуха испуганно охнула, натягивая поводья ослика, запряжённого в повозку, однако колесо уже перекатилось дальше, зацепив бок и отшвырнув кота на камни мостовой. Удар вышиб дух. Хрустнули рёбра — он услышал этот звук изнутри, глухой и страшный, как треск ломающейся ветки. Перед глазами всё поплыло, мир превратился в мешанину цветов и звуков — красное, серое, крики, топот, звон разбитого кувшина, который кто-то уронил от неожиданности.

Кто-то вскрикнул. Какая-то женщина заголосила, призывая стражу. Старуха причитала, оправдываясь, что не заметила животину, что кот сам бросился под колёса, что она ни в чём не виновата. Маркиз попытался встать — уличный инстинкт требовал немедленно убраться подальше, забиться в щель, зализать раны, — но тело не слушалось. Лапы были чужими, непослушными. В боку пульсировала такая боль, что даже дыхание казалось пыткой. Каждый вдох отдавался внутри острой вспышкой, и с каждым выдохом на губах пузырилось что-то тёплое и солёное. Кровь. Он чувствовал, как она растекается по булыжникам, пропитывая его шерсть, делая её липкой и тяжёлой. Он лежал на камнях, глядя в яркое равнодушное небо, и чувствовал, как жизнь по капле уходит из него вместе с теплом и кровью. Небо было прекрасным в этот день — глубокое, синее, с пушистыми белыми облаками, похожими на куски ваты. Где-то высоко кружила птица — возможно, та самая чайка с пристани, прилетевшая поглазеть на его гибель.

«Вот, значит, как это бывает», — подумал он без особого страха или сожаления. В конце концов, умирать коту не впервой. Он помнил предыдущие смерти смутно, урывками, как далёкие сны. Падение с крыши, когда карниз подвёл и он летел три этажа, беспомощно растопырив лапы. Собачьи клыки, сомкнувшиеся на горле в тёмном переулке, откуда он не успел убежать. Болезнь в мокрую осень, когда лёгкие наполнились жидкостью и каждый вдох давался с булькающим хрипом. Голодная зима, когда он медленно угасал в сугробе, свернувшись клубком и уже не чувствуя холода. Теперь ещё и колесо телеги. Не самая героическая смерть, но и не самая позорная. Бывало и хуже. По крайней мере, он не достался собакам и не умер от болезни — ушёл быстро, внезапно, даже не успев толком испугаться.

Только... что-то шло не так. Маркиз понял это не сразу — боль притупляла чувства, делала мысли вязкими и медленными, — но постепенно осознание странности пробилося сквозь пелену страдания. Что-то было неправильно. Он ждал знакомого ощущения — мягкого толчка, растворения, перехода в новое крошечное тельце где-нибудь в тёплом подвале или на сеновале. Ждал, что сознание погаснет и вспыхнет вновь в новорождённом котёнке с теми же воспоминаниями, той же сущностью. Ждал начала новой, первой жизни — следующего цикла, положенного каждому уважающему себя кошачьему. Потому что девять — это священное число. Девять жизней даётся каждому коту от рождения, так было всегда и так будет во веки веков. Таков порядок вещей, установленный кем-то свыше, кем-то, кто понимает толк в котах и их нуждах. И все свои девять он уже честно прожил — значит, пора начинать заново. Перерождение. Новый цикл. Опять девять жизней, опять коробка у рынка, опять долгий путь от беспомощного котёнка до матерого уличного воина. Так всегда было.

Но ничего не происходило.

Вместо этого мир вокруг начал выцветать. Звуки рыночной площади стали далёкими и глухими, словно доносились через толстый слой ваты, которой набивают дешёвые подушки. Краски поблёкли, небо из ярко-голубого сделалось серым, а лица склонившихся над ним людей расплылись, потеряв черты. Сначала исчезли морщины и родинки, потом глаза, потом рты, и вот уже над Маркизом склонялись безликие манекены, шевелящие белёсыми пятнами на месте губ. Предметы утратили чёткость, будто он смотрел на них сквозь мутную воду, в которой развели слишком много мыла. Контуры телеги поплыли, размазались, превратились в белёсые росчерки, а затем и вовсе растворились. Воздух стал густым и вязким, с привкусом пыли и чего-то древнего, забытого. Не смерти — нет, запах смерти он знал отлично, этот сладковатый, тошнотворный дух разложения, который невозможно спутать ни с чем. Это было что-то другое. Что-то среднее между сном и явью, между жизнью и небытием. Что-то гораздо более странное и чуждое, чем сама смерть.

А потом пришла тишина. Абсолютная, совершенная тишина, какой не бывает в мире живых. Ни дыхания ветра, ни отдалённых голосов, ни шороха собственной шерсти — а Маркиз, надо сказать, привык слышать свою шерсть, особенно когда она вставала дыбом или когда он вылизывался после дождя. Здесь не было ничего. Ни скрипа половиц, ни тиканья часов, ни жужжания мухи. Даже звука собственного сердцебиения — а ведь сердце у него колотилось как бешеное ещё минуту назад. Теперь — ничего. Только пустота. Только безмолвие, плотное, как вода на глубине, давящее на уши, заставляющее сомневаться в собственном существовании.

Маркиз открыл глаза — хотя не помнил, чтобы закрывал их, и не был уверен, что у него сейчас вообще есть глаза, — и увидел Серую Пустошь.

Она простиралась во все стороны, бесконечная и однообразная. Ни земли, ни неба — только серость, только зыбкое марево, напоминающее туман, но без влажности, без движения, без температуры. Не холодно и не тепло. Вообще никак. Это было особенно неприятно — отсутствие температуры. Маркиз привык чувствовать мир кожей, шерстью, усами, привык различать малейшие сквозняки, тепловые потоки от печей, прохладу подвальных камней. Здесь же он словно парил в пустоте, лишённой каких-либо физических свойств. Серый туман под лапами клубился, но не расступался. Он был похож на дым от сырых дров — густой, тяжёлый, почти осязаемый, — но при этом не имел ни запаха, ни вкуса. Пахло — ничем. Звучало — ничто. Даже собственное дыхание не издавало звука, хотя Маркиз чувствовал, как его грудная клетка поднимается и опускается в привычном ритме.

Ему уже доводилось бывать в подобном месте. Смутные воспоминания о прошлых переходах всколыхнулись где-то глубоко в памяти, как рыбки в тёмном пруду. Да, точно. Каждый раз после смерти он ненадолго попадал сюда, в это чистилище, где не было ни времени, ни пространства. Но прежде его почти сразу уносило дальше, в новую жизнь, и серая муть была лишь кратким мигом — даже не мигом, а вспышкой, полузабытым сном, который тает сразу после пробуждения. Сейчас же всё замерло. И это больше всего пугало. Неизвестность всегда хуже самой страшной правды. Если бы Маркизу сказали, что он отправляется в ад, он бы хоть знал, чего ожидать. Но это зависание в сером ничто...

— Девятая жизнь, Маркиз, — произнёс голос.

Кот резко обернулся. Инстинктивно выгнул спину и зашипел — глубоко, утробно, как шипят только коты, застигнутые врасплох, — хотя шерсть на загривке встала дыбом скорее по привычке, чем от реальной угрозы. В этой серой пустоте всё было ненастоящим, включая

страх, но старые рефлексy никуда не делись. Звук собственного шипения прозвучал глухо, словно сквозь подушку, и тут же угас, поглощённый вездесущей тишиной. Эха не было — голос просто умирал в пространстве, как умирает искра, упавшая в воду.

Перед ним стояло нечто.

С первого взгляда оно напоминало человека — высокую фигуру в длинном сером балахоне с глубоким капюшоном. Одевание доходило до самого пола, если здесь вообще был пол, и струилось складками, которые двигались, хотя ветра не было и в помине. Ткань казалась жидкой, текучей, словно была сделана из того же серого тумана, что и всё окружающее пространство. Присмотревшись, Маркиз понял, что под балахоном нет тела. Вернее, есть, но какое-то условное, сотканное из сгустков того же тумана, намекающее на плечи, руки, торс, но не имеющее чётких очертаний. Фигура то обретала плотность, то становилась почти прозрачной, просвечивая насквозь бледным светом неизвестного происхождения. Лицо скрывала тень — глубокая, неестественная тень, которая не рассеивалась, сколько бы Маркиз ни вглядывался. Даже его кошачье зрение, способное различать мышь в полной темноте, не могло пробиться сквозь эту завесу. Только глаза светились — холодным, бесстрастным светом, не белым и не жёлтым, а каким-то потусторонним. Звёздным, что ли. Так, наверное, выглядели бы звёзды, если бы какая-то безумная сила решила вставить их в глазницы.

— Что, простите? — переспросил Маркиз, медленно опуская шерсть. Он чувствовал себя неловко — всё-таки шипеть на незнакомое существо, которое, возможно, определяет его посмертную судьбу, было не лучшей идеей. Голос его звучал в этой пустоте глухо, без эха, словно слова падали в вату и там умирали, похороненные заживо. Даже собственный голос казался чужим — каким-то сдавленным, лишённым привычных кошачьих интонаций.

— Девятая жизнь. Ты только что израсходовал девятую жизнь текущего цикла, — терпеливо пояснила фигура. Голос был лишён интонаций, бесполой, идеально ровный. Так, наверное, говорили бы механизмы, если бы умели говорить. Или очень старые, очень усталые библиотекари, которым надоело объяснять посетителям, где лежит нужная книга. Каждое слово было выверено, лишено эмоций, словно фигура читала по бумажке текст, заученный тысячелетия назад. — Согласно записям Небесной канцелярии, это была твоя последняя. Лимит исчерпан.

— Значит, должен быть новый цикл, — уверенно сказал Маркиз и сел, обернув хвост вокруг лап. Это был его привычный жест — так он делал всегда, когда требовалось собраться с мыслями. Хвост, надо сказать, был в полном порядке, что несказанно его удивило. Последнее, что он помнил из физических ощущений, — дикая боль в раздробленном позвоночнике и отдалённом хвосте. Теперь же хвост был цел, гибок и послушен, как и прежде. В Серой Пустоши тело слушалось его идеально — никакой боли в боку, никакой слабости. Словно и не умирал вовсе. Это радовало, но одновременно и настораживало. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. — Новый котёнок, новая первая жизнь. Так всегда было. Я уже проходил через это, знаете ли. Восемь раз.

— Так всегда было, — согласилась фигура, и в её голосе прорезалось что-то похожее на сожаление. Или усталость. Или раздражение — трудно было сказать наверняка, когда имеешь дело с бесплотным существом. — Однако в твоём случае возникли обстоятельства.

— Какие ещё обстоятельства? — Маркиз наострил уши и слегка наклонил голову. Этот жест он подсмотрел у людей и находил его весьма эффективным, когда требовалось изобразить непонимание. Уши у него были крупные, подвижные, с небольшими кисточками на кончиках — единственное, что выдавало в нём дальнего родственника какой-то лесной породы.

— Бюрократические, — фигура извлекла откуда-то из складок балахона длинный свиток. Движение было неувимым — только что рукава пустовали, и вот уже в бесплотных пальцах зажат пожелтевший пергамент, перевязанный чёрной лентой с сургучной печатью. Фигура развернула свиток, и тот повис в воздухе, не падая, словно удерживаемый невидимыми руками. Текст на свитке светился бледным золотом, буквы были незнакомыми — какие-то завитушки, петли, острые углы, напоминающие то ли клинопись, то ли нотные знаки, — но смысл Маркиз понимал без чтения. Просто смотрел на них и знал, что там написано. Неприятное ощущение. Будто кто-то чужой думает твои мысли, вкладывает их в твою голову, минуя обычные каналы восприятия. Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения, но текст продолжал вливаться в сознание, как вода в треснувший кувшин. — Видишь ли, когда распределяют судьбы, иногда происходят накладки. Ошибки. Тысячелетия работы без выходных, знаешь ли, утомляют даже бессмертных. Мы не спим, не едим, не отдыхаем — только пишем, подшиваем, заверяем, отправляем. За миллиарды лет можно и переутомиться. Короче говоря, твой новый цикл по ошибке записали на другого кота. Чёрного. С похожим именем. Марсель.

Маркиз моргнул. И ещё раз моргнул. Мысль, которую до него пытались донести, была настолько абсурдной, что он даже не сразу нашёлся с ответом.

— Марсель? — переспросил он наконец. — Серьёзно? И где этот ваш Марсель?

— В настоящий момент проживает вторую жизнь в богатом особняке на побережье, — фигура сверилась со свитком, водя по нему длинным туманным пальцем. Кончик пальца оставлял на пергаменте зеленоватый след, который тут же гас. — Ест форель со сливками, спит на шелковых подушках и носит ошейник с бриллиантами. Первую жизнь прожил в том же особняке, скончался от старости в возрасте двадцати одного года, переродился там же. Сейчас ему два года, он полностью доволен существованием и понятия не имеет, что проживает чужую судьбу.

— Ошейник, — презрительно фыркнул Маркиз, и в этом фыркание была вся желчь, накопившаяся за шесть лет уличной жизни. — Скажите ещё «работает мышеловом за еду». Позор, а не кот. Позорище. Да я бы скорее удавился собственным хвостом, чем позволил нацепить на себя эту удавку.

— Не нам судить, — фигура пожала плечами, причём вышло это так, будто под балахоном плеч не было вовсе — просто складки ткани колыхнулись и замерли в новом положении. — Суть в том, что его судьба — твоя судьба. Девять жизней в роскоши и довольстве. Тепло, сытость, ласковые руки, лучшие кусочки с хозяйского стола. А ты...

— А я что?

— А ты, выходит, лишний. Ошибка в расчётах. Девять жизней прожиты, новый цикл не предусмотрен. Формально, — голос фигуры понизился до доверительного шёпота, и в этой абсолютной тишине шёпот прозвучал как гром, — ты не должен существовать. Твоя душа — это бухгалтерская погрешность. Канцелярский брак. Опечатка в ведомости.

Тишина Серой Пустоши вдруг стала невыносимо громкой. Маркиз сидел неподвижно, осмысливая услышанное. Он не должен существовать. Его не должно быть. Ошибка в расчётах. Лишний. Слова звучали отвратительно, каждое из них было как маленькая ледяная игла, вонзающаяся куда-то в самую суть его существа. За шесть жизней уличного кота он привык быть лишним для людей, собак, рыночной стражи и даже некоторых крыс. Он привык к пинкам, к брошенным вслед камням, к проклятиям и суеверному страху. Но быть лишним для самой вселенной? Это было что-то новенькое. Это была такая степень ненужности, о которой он даже не подозревал. Он, Маркиз, закалённый в битвах и невзгодах, прошедший огонь, воду и медные трубы (в прямом смысле — однажды он едва не сварился в котле с бельём, куда забрался погреться), оказался всего лишь помаркой в гроссбухе какого-то бессмертного писаря. Бюрократической ошибкой. От этой мысли хотелось то ли рассмеяться, то ли завывать.

— И что теперь? — спросил он наконец, когда пауза затянулась до неприличия. Голос его прозвучал на удивление спокойно, хотя внутри всё кипело. — Растворюсь в этой вашей Пустоши? Отправлюсь в небытие? Исчезну без следа, как не жил вовсе? Превращусь в серый туман и буду вечно болтаться здесь, как забытый носок в проруби?

Вообще-то он ожидал, что испугается при этих словах. Но страха не было — только глухое раздражение пополам с обидой. Подумать только: какой-то напояженный Марсель жрёт форель со сливками и носит бриллиантовый ошейник, проживая его, Маркиза, законные жизни! А он, честный уличный кот, прошедший все круги кошачьего ада, должен исчезнуть из-за канцелярской ошибки? Где справедливость? Где, спрашивается, мировой порядок? Неужели там, наверху, всё устроено так же бездарно, как в городской управе, где он однажды наблюдал, как три чиновника в течение часа спорили, кто должен заполнить бланк на отлов бродячих собак, а в итоге просто разошлись, ничего не сделав? Если так, то вселенная катится в бездну, и это уже не исправить.

Фигура, однако, не торопилась подтверждать его худшие опасения. Вместо этого она сделала странное движение — нечто среднее между пожатием плеч и переминанием с ноги на ногу, хотя ног у неё, строго говоря, не было.

— Вообще-то, — произнесла она, сворачивая свиток и убирая его обратно в складки балахона, — я уполномочена сделать тебе предложение.

Маркиз насторожил уши и подался вперёд, хищно припав к земле. Глаза его, янтарно-жёлтые с вертикальными зрачками, сузились до тонких щёлок.

— Какое ещё предложение? Если это предложение раствориться особенно красиво и торжественно, то спасибо, не надо. Я лучше тихо и буднично.

— Видишь ли, — фигура начала прохаживаться перед ним, и в её движениях не было ни звука шагов, ни колебания воздуха. Она плыла, а не шла, и это было жутковато. — У нас тут, в Небесной канцелярии, вечная нехватка кадров. Смертные мрут, души прибывают, бумаг всё больше, а работать некому. Бессмертные бюрократы выгорают пачками, некоторые даже увольняются в нирвану. Текучка, одним словом. Ты даже не представляешь, сколько нужно оформить документов на одну душу. Свидетельство о рождении, свидетельство о смерти, справка о прожитых жизнях, ведомость грехов и добродетелей, кармическая декларация, сертификат о прохождении чистилища... Это не считая приложений и дополнительных бланков. Мы тонем

в бумагах, Маркиз. Буквально тоном. У нас архивы трещат по швам, курьеры падают от истощения, а писцы теряют зрение к третьему тысячелетию стажа. А тут ты — душа с шестьюдесятью годами жизненного опыта, с превосходными навыками выживания, с отличными рекомендациями от местного отделения Покровителей бездомных животных. Ты посмотри на себя: девять жизней, и ни одного нарушения! Ни одного расторгнутого контракта с реальностью. Безупречная карма уличного кота. Лишняя душа, не предусмотренная планом. Мы могли бы её аннулировать... — она сделала паузу, и Маркиз снова напрягся, ожидая самого худшего, — но можем и использовать.

— Использовать? Для чего? — Маркиз прищурился ещё сильнее. От этой фигуры за версту разило бюрократией, а с бюрократией у него были свои счёты. Однажды он целую зиму прожил в подвале городской управы и насмотрелся на этот бумажный ад достаточно, чтобы усвоить главное: если чиновник предлагает тебе «использовать» тебя, жди подвоха.

— У нас есть вакансия, — фигура остановилась и повернулась к нему. Глаза под капюшоном вспыхнули ярче, и в их свете Маркизу на мгновение почудились бесконечные ряды полок, уходящие в бесконечность, забитые папками и свитками. — Тёмный фамилляр. Испытательный срок, конечно, но с перспективой постоянного контракта. Полный соцпакет, бессмертие до расторжения договора, служебное жильё по месту работы. Требуется сопровождать мага тьмы, выполнять мелкие поручения, иногда участвовать в ритуалах. Ничего сложного. Сиди себе, мурлыкай, выгляди загадочно. Ты чёрный, ты умеешь выглядеть загадочно — это у тебя в крови. Плюс стабилизация магического поля, плюс якорение заклинаний, плюс эмоциональная поддержка. Последнее — по желанию, но приветствуется.

Маркиз смотрел на фигуру во все глаза — теперь уже совершенно живые, кошачьи, ярко-жёлтые, проявившиеся из серого тумана во всей красе, как только разговор зашёл о деле. Зрачки его то расширялись, то сужались, выдавая напряжённую работу мысли.

— Мага тьмы? — переспросил он, и в его голосе прорезались скептические нотки. — Тёмного мага? Того самого, который некромант, чёрные свечи, заклинания и всё такое? Которого нормальные люди стороной обходят и коты тоже? Того, что живёт в мрачной башне, окружённой кладбищем, и разговаривает с черепами?

— Именно, — кивнула фигура, и капюшон колыхнулся, открыв на мгновение край чего-то, что могло быть подбородком, а могло и не быть. — Тёмный фамилляр — это кот при маге тьмы. Традиционная должность. Чертовски уважаемая, между прочим. Не каждый уличный кот может похвастаться таким карьерным ростом. Из бродячего животного — сразу в магический###ный персонал высшей категории. Да тебе памятник надо ставить при жизни. Посмертный, в смысле.

— И что мне нужно будет делать? — Маркиз всё ещё не мог отделаться от ощущения, что его пытаются облапошить. — Таскать дохлых мышей? Мурлыкать во время заклинаний? Сидеть на алтаре и делать вид, что я демон во плоти?

— В основном просто быть рядом, — фигура слегка качнула капюшоном, что, видимо, означало кивок. — Присутствие фамилляра стабилизирует тёмную магию, облегчает фокусировку заклинаний и служит якорем для мага при работе с особо опасными сущностями. Понимаешь, тёмная магия — она текучая, нестабильная, она норовит выйти из-под контроля. А живое существо рядом, особенно такое древнее и мистическое, как чёрный кот, работает

как громоотвод. Притягивает избыточную энергию, заземляет, не даёт заклинанию разнести башню по кирпичикам. Ну и компания, конечно. Маги тьмы — ребята нелюдимые, склонные к депрессиям, им полезно иметь рядом кого-то живого и тёплого. Кого-то, кто не задаёт лишних вопросов и не пытается сжечь их на костре за ересь.

— Я чёрный и уличный, — заметил Маркиз с достоинством. — Из меня компаньон, как из булыжника — перина. Я не умею утешать, не умею мурлыкать по заказу и терпеть не могу, когда меня гладят против шерсти. У меня сложный характер, я циничен, прагматичен и склонен к сарказму. Какой из меня психолог для депрессивного колдуна?

— Это как посмотреть, — возразила фигура, и в её голосе послышалось что-то вроде одобрения. — Именно такие и нужны. Сложный характер — это хорошо. Цинизм — ещё лучше. Значит, не сбежишь при первой опасности. Срок испытательный — три месяца. Если не сработаетесь — расторгнем контракт и подыщем тебе что-нибудь другое. Может, даже добьёмся пересмотра дела и нового цикла. В конце концов, признание бюрократической ошибки — дело долгое, но не безнадёжное. А пока — будешь жить, кот. Не в Серой Пустоши, не в небытии, не в виде рассеянной по вселенной пыли. В материальном мире, при теле, при магии, при миске с едой. Разве не этого ты хочешь?

Маркиз задумался. Честно говоря, он хотел просто жить — но перспектива возиться с каким-то мрачным колдуном его не прельщала. Он представил себе мрачную башню, сырые стены, чадающие свечи, груды пыльных фолиантов и хозяина, который разговаривает исключительно заклинаниями и забывает кормить фамильяра сутками напролёт. Картина выходила безрадостная. С другой стороны, альтернатива — раствориться в Серой Пустоши, исчезнуть навсегда, стать ничем. А кот он был хоть и гордый, но не глупый. Если уж судьба подкинула такую возможность, надо хвататься за неё зубами и когтями — в прямом и переносном смысле. В конце концов, что он теряет? Три месяца — не три вечности. Если маг окажется невыносимым, всегда можно сбежать. Уличные коты — мастера побегов. Они исчезают бесшумно, как тени, как дым, как утренний туман над рекой.

— А как же Марсель? — спросил он вдруг, и в его голосе прорезалась мстительная нотка. — Этот, с бриллиантами. Он так и будет проживать мои жизни? Жрать форель и нежиться на шёлковых подушках, пока я тут буду рисковать шкурой на службе у какого-то некроманта?

— Увы, — фигура развела бесплотными руками, и рукава балахона повисли, как крылья подбитой птицы. — Бюрократия. Ошибка зафиксирована, цикл запущен, назад не отмотать. Даже если мы признаем ошибку — а мы, скорее всего, не признаем, потому что это повлечёт за собой пересмотр тысяч других дел, — процесс займёт столетия. Придётся тебе смириться.

— Я не смирюсь, — пообещал Маркиз, и глаза его вспыхнули недобрым огнём. — Я этого Марселя лично найду и отгрызу ему бриллиантовый ошейник вместе с головой. Я доберусь до побережья, выслежу этого напыщенного диванного кота и устрою ему весёлую жизнь. Пусть узнает, каково это — быть уличным. Пусть попробует добыть себе еду сам, без серебряной мисочки и прислуги. Я сделаю из него настоящего кота, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей лишней жизни.

— Это будет возможно, только если твой маг разрешит тебе поездку на побережье, — сухо заметила фигура, и в её голосе послышался оттенок усталой иронии. — Итак, твой ответ?

Время в Пустоши течёт иначе, но даже здесь оно не бесконечно. Ты либо подписываешь контракт, либо...

— Либо что? — с вызовом спросил Маркиз.

— Либо я вызываю следующего по списку, — фигура похлопала по складкам балахона, где, видимо, хранились и другие свитки. — У нас очередь, знаешь ли. Много лишних душ. Кошачьих, собачьих, птичьих, даже пара рыбьих есть, хотя что делать с рыбой в качестве фамильяра, я понятия не имею. Ты в этой очереди первый, но если откажешься, пойдёт следующий. А ты останешься здесь. Навсегда.

Маркиз встал, выгнул спину, потянулся — просто чтобы проверить, хорошо ли слушается тело, настоящее ли оно, — и кивнул. Хвост его взлетел трубой, усы встопорщились, в глазах загорелся решительный огонь.

— Согласен, — сказал он твёрдо. — Давайте вашего мага. Посмотрим, что он из себя представляет. Может, не всё так плохо. Может, он хотя бы не храпит.

— Вот и отлично, — фигура снова извлекла свиток, на сей раз другой, поменьше, из тонкого пергамента, который светился ровным серебристым светом. — Ознакомься с контрактом и поставь отпечаток лапы.

Маркиз пробежал глазами светящиеся строки — они всё так же вкладывали смысл прямо в голову, минуя зрение, — и не нашёл ничего подозрительного. Обязанности: присутствовать при ритуалах, обеспечивать магическую стабилизацию, не покидать рабочее место без уведомления, не воровать ингредиенты (тут он мысленно усмехнулся — смотря какие ингредиенты), не нападать на гостей мага без веской причины. Права: полное обеспечение питанием, кровом и медицинской помощью (включая магическое исцеление), неприкосновенность во время исполнения обязанностей, один выходной в неделю (по согласованию с магом). Сроки: трёхмесячный испытательный период с возможностью продления до постоянного контракта. Бессмертие на время контракта — кроме случаев насильственной смерти, от которой, как гласила приписка мелким шрифтом, «никакой контракт не спасёт, будьте осторожны». В графе «должность» значилось: «Тёмный фамильяр, младший ранг». В графе «работодатель» — имя, которое ничего ему не говорило: Алый, маг четвёртого круга, специализация — некромантия и работа с Тенями. Адрес: Башня на Перекрёстке Миров, третий уровень.

Маркиз поднял переднюю лапу, секунду помедлил — всё-таки момент был ответственный, можно сказать, судьбоносный, — и прижал подушечку к свитку. Тот вспыхнул и исчез, оставив в воздухе лёгкое облачко золотистой пыли, которая медленно осела на серый туман и растаяла без следа. Лапу слегка кольнуло — словно крошечная искра пробежала от когтей до плеча, оставив после себя тёплое, чуть щекотное ощущение. Маркиз потряс лапой, разглядывая подушечку — на ней проявился и тут же погас серебристый символ, напоминающий переплетённые буквы «Т» и «Ф».

— Контракт заключён, — торжественно объявила фигура, и в её голосе впервые послышалось что-то вроде удовлетворения. — Поздравляю с новой должностью, фамильяр Маркиз. Твой маг ожидает тебя в башне на Перекрёстке Миров. Перемещение начнётся немедленно. Башня находится в материальном мире, в лесистой местности к северу от твоего города, так что климат будет знакомым. Связь с Канцелярией — через стандартный магический канал, в

случае экстренной ситуации — разбей амулет, который ты найдёшь на своём новом рабочем месте.

— Подождите! — Маркиз подался вперёд, чувствуя, что его снова затягивает в воронку перемещения. — А что за маг-то? Какой он? Характер, привычки, кормит ли фамильяров нормальной едой или держит на каких-нибудь магических концентратах? Он хоть адекватный? Не псих? Не будет меня использовать как ингредиент для зелий?

— Узнаешь на месте, — фигура уже таяла в сером тумане, становясь всё прозрачнее и прозрачнее, пока не превратилась в едва заметный сгусток более тёмной серости. — И помни: испытательный срок. Не подведи. У тебя хорошие рекомендации, не испорти их. И... постарайся не доводить его до белого каления в первую же неделю. У него был сложный период.

— Да подождите вы! — взвыл Маркиз, но было поздно. — Что значит — не подведи? А если он псих? А если он меня в суп пустит? А если у него аллергия на котов? А если...

Договорить он не успел. Пустошь вокруг закружилась, серая муть сгустилась до черноты, и Маркиза с силой рвануло куда-то вверх, вниз или вбок — он так и не понял, потому что в вихре перемещения все направления слились в одно. Ощущение было такое, будто его засунули в мешок, хорошенько раскрутили и швырнули через всю вселенную. В ушах засвистел ветер — настоящий, живой ветер, пахнувший сыростью, плесенью, пылью, старым деревом и свечным воском. Пахнуло жизнью, грубой и ощутимой, и Маркиз, несмотря на головокружение, почувствовал что-то вроде облегчения. Лучше пыльная башня с ворчливым магом, чем Серая Пустошь с её бесконечным ничто. Всё лучше, чем быть лишним.

А потом мир с грохотом встал на место.

Маркиз обнаружил себя на холодном каменном полу. В нос ударил запах старой бумаги, сушёных трав, горячего воска и пыли. Много-много пыли — такой плотной, что она висела в воздухе лёгкой взвесью, заставляя щекотать в носу. Он чихнул — звонко, отчаянно, с присвистом, — помотал головой, прогоняя остатки головокружения, и осмотрелся.

Это была башня.

Высокие каменные стены уходили вверх, теряясь во мраке под потолком, где смутно угадывались стропила и балки перекрытий. От стен тянуло сырым холодом, от которого не спасали даже толстые гобелены с выцветшими сценами каких-то магических битв — гобелены, надо сказать, запылились так, что изображения на них скорее угадывались, чем просматривались. Узкие стрельчатые окна не пропускали света, занавешенные плотной чёрной тканью, которая когда-то, вероятно, была бархатом, а теперь больше напоминала пыльные мешки для картошки. Единственным источником освещения служили свечи — десятки, сотни свечей, расставленных повсюду: на столах, на полках, прямо на полу в живописных потёках застывшего воска. Некоторые стояли в подсвечниках, некоторые были просто прилеплены расплавленным основанием к поверхностям, а некоторые и вовсе парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси. Они горели ровным пламенем неестественных цветов — зелёным, синим, фиолетовым, оранжевым, малиновым. Чёрным, наконец. Маркиз заворожённо уставился на чёрное пламя, пожирающее чёрную же свечу. Оно не излучало света — наоборот, оно поглощало свет, высасывало его из пространства вокруг, так что вокруг чёрной свечи образовалась зона абсолютной темноты, в которую было страшно даже заглядывать. По спине Маркиза про-

бежал холодок, шерсть на загривке встала дыбом. Такого он не видел ни в одной из своих девяти жизней.

По стенам тянулись книжные полки, забитые фолиантами в кожаных переплётках с металлическими застёжками и бронзовыми уголками. Некоторые книги светились изнутри, некоторые были прикованы к полкам цепями, словно опасные звери, а некоторые тихо бормотали что-то на незнакомых языках — шёпотом, в который лучше было не вслушиваться. С потолка свисали пучки сушёных трав, причудливые амулеты и стеклянные колбы с мутным содержимым, в котором что-то медленно плавало — не то эмбрионы неведомых существ, не то просто пузыри болотного газа. Маркиз предпочёл не присматриваться. В одном углу стоял человеческий скелет, облачённый в истлевший балахон, — Маркиз искренне надеялся, что он ненастоящий, учебный, но на всякий случай отошёл подальше. Скелет, кстати, слегка повернул череп в его сторону, и челюсть клацнула, хотя, возможно, это был просто сквозняк. В другом углу лежала груда подушек и одеял, которая, видимо, служила постелью, — и судя по тому, как она выглядела, спали на ней не чаще, чем раз в неделю. Подушки были смяты, одеяла сбиты в ком, и всё это покрывал слой кошачьей шерсти — чьей-то чужой, не его. Маркиз принялся: шерсть пахла котом, который жил здесь раньше, но запах был старый, выдохшийся. Видимо, предыдущий фамилляр сбежал уже давно.

Вездесущая пыль покрывала всё толстым серым слоем, лежала на книгах, на полу, на мебели, плавала в воздухе, и Маркиз с отвращением отдернул лапу, заметив, что его аккуратные чёрные подушечки уже стали серыми от грязи. Он был чистоплотным котом — насколько вообще может быть чистоплотным уличный зверь, привыкший вылизываться до блеска даже в самых неподходящих условиях, — и перспектива жить в этом пыльном сарае вызывала у него почти физическое страдание.

Посреди комнаты, спиной к нему, у массивного дубового стола стоял человек.

Человек был высок, сутул и закутан в чёрную мантию до самого пола — такую же пыльную и неухоженную, как и всё вокруг. Мантия была из плотной, когда-то дорогой ткани, но теперь обтрепалась по краям, покрылась пятнами воска и какими-то подозрительными бурыми разводами, о происхождении которых Маркиз предпочёл не догадываться. Длинные тёмные волосы мага, давно не знавшие расчёски, спускались на плечи неровными прядями, и в них тоже запуталась паутина. Человек что-то бормотал себе под нос, склонившись над раскрытой книгой в тяжёлом переплёте, и водил в воздухе рукой, чертя светящиеся знаки, которые тут же гасли с тихим шипением, оставляя после себя запах озона и разочарования. Он был настолько поглощён своим занятием, что не заметил появления кота — или сделал вид, что не заметил, что было более вероятно.

— Значит, это и есть мой новый хозяин? — громко произнёс Маркиз, решив сразу обозначить своё присутствие. Молча таращиться в спину было как-то глупо, а подкрадываться и тереться о ноги — слишком фамиллярно для первого знакомства. К тому же он ещё не знал, как этот маг относится к котам. Может, он швыряется в них огненными шарами.

Человек вздрогнул, выпрямился и обернулся. Движение было резким, почти испуганным — видимо, гостей здесь не ждали, а если и ждали, то не в обличье чёрного кота, возникшего посреди комнаты из ниоткуда. У него оказалось бледное, осунувшееся лицо с тёмными кругами под глазами и лихорадочным блеском во взгляде — типичное лицо человека, который слишком много работает, слишком мало спит и, вероятно, забывает есть. Черты лица были тонкими,

аристократическими, но запущенными, словно маг махнул рукой на собственную внешность много лет назад и с тех пор не вспоминал о ней. Возраст определить было трудно: не мальчик, но и не старик. Где-то за тридцать, решил Маркиз, хотя человеческие годы всегда казались ему понятием растяжимым. Люди стареют так быстро, что кот не успевает уследить — только что был юнец, и вот уже седой старик с трясущимися руками. Глаза у мага были тёмные, почти чёрные, глубоко запавшие, с красными прожилками от недосыпа, и смотрели они на кота с явным неудовольствием пополам с усталым любопытством.

— А, — сказал маг. Голос у него был хриловатый, будто простуженный, с лёгкой хрипотцой человека, который редко разговаривает, а если и разговаривает, то в основном с книгами и магическими сущностями. — Новый фамильяр. Прислали всё-таки. А я уж думал, про меня забыли. Или решили, что я и без фамильяра справлюсь. Или что я умер.

— Я Маркиз, — представился кот, вздёргивая хвост и распушая его для солидности. — Ваш тёмный фамильяр на испытательный срок. Прошу любить и кормить. Последнее — особенно важно. Я, знаете ли, только что умер и очень хочу есть. Смерть отнимает много сил.

Маг смерил его долгим, изучающим взглядом, в котором читалась целая гамма чувств — усталость, скепсис, лёгкое раздражение от того, что его оторвали от работы, и что-то ещё, более глубокое. Что-то похожее на давнюю, застарелую печаль, притаившуюся на самом дне тёмных глаз.

— Кормить, — повторил он без выражения, и в этом слове прозвучала вся скорбь человека, который уже проходил через это. — Посмотрим, заслужишь ли. Предыдущего фамильяра я кормил. Кормил, поил, чесал за ухом, разговаривал с ним, делился последним куском. И знаешь, чем это кончилось? Он сбежал при первой же возможности. Прямо во время ритуала вызова Теней. В самый ответственный момент, когда магический круг уже был активирован и завеса между мирами начала истончаться. Просто взял и выпрыгнул в окно. Едва не угробил меня и полгорода в придачу. Хорошо ещё, что я успел замкнуть контур и предотвратить прорыв. Три недели потом откачивали магический фон в окрестностях.

— Может, вы просто плохо кормили, — предположил Маркиз, ничуть не смутившись этой душераздирающей историей. Он вообще редко смущался — жизнь на улице выбила из него излишнюю чувствительность. — Или мышей не давали. Коты любят мышей. Это общеизвестно. А может, вы его использовали в каких-нибудь мерзких экспериментах? Привязывали к алтарю? Обмазывали светящейся слизью? Заставляли смотреть в бездну?

Маг прищурился. Потом неожиданно хмыкнул — сухо, коротко, словно пробуя смех на вкус после долгого перерыва, — и в его тёмных глазах мелькнуло что-то вроде проблеска интереса. Искра жизни среди пепла усталости.

— Ты наглый, — констатировал он.

— Я честный, — парировал Маркиз, усаживаясь поудобнее на холодном каменном полу. Хвост он по-прежнему держал трубой — гордость не позволяла опустить. — И я уличный. А уличные коты говорят то, что думают, потому что у них нет времени на политесы. Там, на улице, пока ты будешь расшаркиваться и делать реверансы, тебя либо съедят, либо раздавят телегой. Со мной, кстати, случилось второе. Поэтому давайте сразу договоримся, хозяин: я работаю честно, не сбегая во время ритуалов, не ворую со стола (ну, почти не ворую —

если там будет лежать что-то совсем уж соблазнительное, я за себя не ручаюсь), не охочусь на ваших ручных воронов и не метю углы. Я исправно выполняю обязанности, стабилизирую вашу магию, сижу с загадочным видом и создаю нужную атмосферу. А вы взамен кормите меня нормальной едой, желательно мясом, а не какими-нибудь магическими пилюлями, не используете в жутких экспериментах, не приносите в жертву тёмным богам и не орёте без повода. По рукам? Точнее, по лапам?

Маг некоторое время молчал, разглядывая его с тем же выражением скептического любопытства. Потом медленно кивнул — скорее своим мыслям, чем коту.

— Договорились... Маркиз, — произнёс он, словно пробуя имя на вкус. — Меня зовут Алый. Можно просто Ал. И да, я использую тебя в экспериментах. Ты теперь тёмный фамилляр — это часть работы. Так написано в контракте, который ты подписал.

— Эксперименты экспериментам рознь, — философски заметил Маркиз, смиряясь с неизбежным. — Если это не включает расчленение и варку в котле, я согласен. Ну, и превращение в жабу тоже не одобряю. И в камень. И в овощ. Всё, что лишает меня подвижности и возможности есть мясо, должно быть исключено.

— Превращение в жабу — это вообще-то специализация ведьм, а не тёмных магов, — заметил Ал с оттенком профессионального высокомерия. — Я работаю с Тенями, с энергией смерти, с пограничными состояниями. В жабу я тебя не превращу. По крайней мере, намеренно.

— Уже легче, — кивнул Маркиз. — Кстати, у вас тут очень пыльно. Вы вообще когда-нибудь убираетесь? Или ждёте, что пыль сама организуется в полезного голема?

Ал обвёл взглядом своё жилище так, словно впервые его увидел. В его глазах мелькнуло что-то похожее на смущение — но лишь на долю секунды.

— Некогда. Работа. У меня сейчас очень важный этап исследований, я не могу отвлекаться на бытовые мелочи.

— А я вам не домработница, — напомнил Маркиз, впрочем, без особой жёсткости в голосе. — Но ради собственного комфорта могу посоветовать хотя бы вытряхнуть ковёр. Если он у вас есть. Если ковра нет, советую завести — на холодном полу спать неудобно, а я, как видите, не намерен ютиться на вашей сомнительного вида подстилке.

— Ковра нет.

— Тогда просто подмести. Или нанять уборщика. Или призвать духа чистоты, если такие существуют. Должны существовать — если есть духи тьмы, почему бы не быть духам порядка?

Маг вздохнул и потёр переносицу длинными бледными пальцами с вьёвшимися чернильными пятнами и следами химических ожогов. Вздох был тяжёлым, глубоким — вздох человека, который только что осознал, что его тихое затворничество закончилось и теперь в его жизни появился некто, кто будет постоянно требовать еды, чистоты и внимания.

— Мне прислали не фамильяра, а надзирателя, — пробормотал он. — Ладно. Разберёмся. Пока что иди... осмотришься. Выбери себе место для сна, только не на моих книгах. Завтра начнём работу.

— Какую работу? — оживился Маркиз, уже предвкушая что-то интересное. Несмотря на весь свой скепсис, он был котом любопытным, а перспектива увидеть настоящую магию будоражила даже его уличную душу.

— Для начала — вызов Теней. Тот самый, который сорвал мой предыдущий фамильяр. С тех пор у меня не было возможности повторить ритуал — без фамильяра это смертельно опасно. Тени могут прорвать защитный круг, могут вытянуть душу, могут вселиться в мага и свести его с ума. Фамильяр нужен как якорь, как живой щит, как точка опоры. Теперь, когда ты здесь, мы продолжим с того места, где остановились. — В голосе Ала послышалось что-то похожее на предвкушение. — Я ждал этого два года, Маркиз. Два года без фамильяра. Два года я не мог завершить исследования. Если ты сбежишь, как твой предшественник, я, пожалуй, лично отправлю тебя обратно в Серую Пустошь, минуя все бюрократические процедуры.

— Вызов Теней, значит, — Маркиз облизнулся, думая о своём. — Звучит интересно. Жутковато, но интересно. А перекусить перед этим дадут? Я, повторюсь, только что умер, и аппетит у меня, как ни странно, зверский. Смерть, она такая — пробуждает здоровый голод.

Ал снова вздохнул, на сей раз как-то особенно обречённо, всем своим видом показывая, что он сдаётся на милость судьбы, и щёлкнул пальцами. От кончиков пальцев отделилась алая искра, пробежала по воздуху и соткалась в миску с чем-то, отдалённо напоминающим мясное рагу. Миска была глиняной, простой, но чистой — видимо, магия убирала грязь автоматически. Маркиз понюхал, осторожно лизнул — оказалось съедобно, даже вкусно, хоть и с непривычным привкусом магии, похожим на лёгкое покалывание на языке. Мясо было нежным, сочным, явно не с рыночных прилавков. То ли кролик, то ли перепел, то ли что-то вовсе неземное. Он принялся за еду, урча от удовольствия, а маг вернулся к своим книгам, снова склонившись над фолиантом и бормоча что-то на латыни — или на том, что здесь заменяло латынь.

Маркиз ел и размышлял. Ситуация была странной, но не катастрофической. Маг, кажется, не псих — по крайней мере, не буйный. Просто уставший, замотанный, погружённый в себя человек, который слишком долго жил один и забыл, как общаться с живыми существами. Башня грязная и пыльная, но это поправимо — если не уборкой, то хотя бы привыканием. Кормят здесь, судя по всему, хорошо. Работа не пыльная в прямом смысле — сиди да мурлыкай, стабилизируй магию, создавай антураж. Не самая плохая доля для уличного кота, который ещё час назад умирал на булыжной мостовой под крики торговков.

Главное он жив. Несмотря на бюрократическую ошибку, несмотря на то что какой-то Марсель проживает его законные жизни, несмотря на всё. Он здесь, в материальном мире, при теле, при сознании, с полной миской мяса и перспективой интересной работы. И где-то там, на побережье, развалился на шёлковых подушках наглый узурпатор в бриллиантовом ошейнике, который даже не подозревает, что однажды к нему явится чёрный кот со шрамом над глазом и предъявит счёт за украденную судьбу. Так начался первый день Маркиза в должности тёмного фамильяра. Что будет дальше, он не знал, но интуиция старого уличного кота, отточенная шестьюдесятью годами выживания, подсказывала: скучать не придётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.